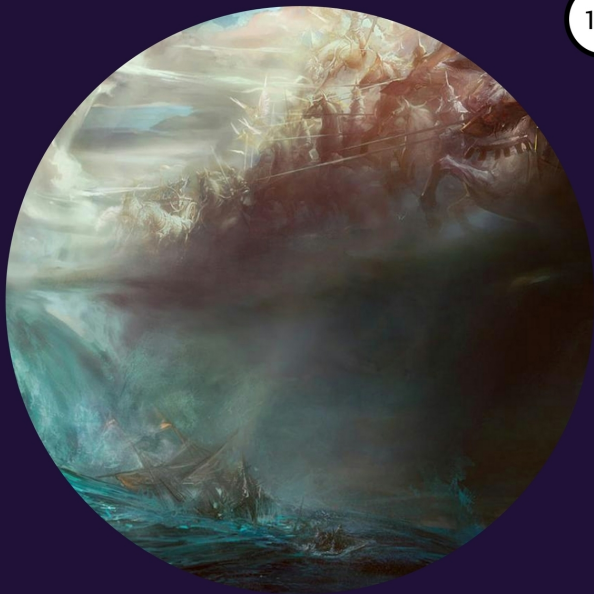

Кае де Клиари

18+

Усталый добрый Демиург

Кае де Клиари Усталый добрый Демиург

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36301369

SelfPub; 2019

Аннотация

Настоящий Отец любит всех своих детей. Но, когда этих детей слишком много, докричаться до его ушей сквозь общий гвалт удаётся лишь некоторым. Лучшим из лучших, тем чьи просьбы искренни, души чисты, а желания справедливы./ Не хочу никого поучать. Просто делюсь тем, что считаю нужным высказать всем, кто хочет слушать и способен понять. Именно поэтому Демиург в конце этого краткого повествования даёт людям не законы, а советы.

– О, великий всеблагой, предобрый Отец наш! Вызываю к тебе и молю! Окажи мне милость свою – дай мне истинную любовь, которую я так жажду!..

Голос юноши сорвался, и его сменили рыдания. Теперь в гулкой темноте храма были слышны лишь всхлипы, идущие из самого сердца. Слова его моления были искренними, к тому же парень просил не богатства и славы, не лёгкой жизни и незаслуженного покоя, и даже не презренной власти, которую жаждут многие.

Он просил то, что должно было принадлежать ему по природе, но по какой-то причине отсутствовало. Затерялось что ли?

И Демиург снизошёл! В сиянии славы он предстал перед ошарашенным молящимся, и в руках у него была истинная любовь самого совершенного образа!

– На вот, держи! – сказал Демиург, передавая истинную любовь коленопреклонённому парню. – Извини за задержку. Понимаешь, много вас, вот я и не уследил за твоей, м-м, комплектацией. Но ничего, ты ещё молодой – своё наверстаешь. Ах, да, чуть не забыл!

Демиург полез в карман и потянул оттуда что-то большое, угловатое или точнее, многогранное. Но пока он доставал, зацепившуюся за что-то вещь, ошарашенный от всего этого прихожанин схватил удивлённо оглядывающуюся по сторонам истинную любовь, и, забыв поблагодарить того, кого призывал с таким отчаянием, выбежал из храма.

– Погоди, сынок, куда же ты? – крикнул Демиург ему в след. – Тут к любви ещё счастье прилагается!..

Но парень уже скрылся. Демиург устало вздохнул и с тоской посмотрел на сверкающее у него на ладони счастье.

– Ну, вот, – пробормотал он, – и что мне с ним теперь делать? Здесь что ли оставить, авось найдёт кто-нибудь? Эх, молодёжь, молодёжь! Сам ведь будет ко мне взывать лет через пять-десять – вынь да положи ему счастье! А оно тем временем тью-тью... Я б его у себя придержал, да оно без дела потускнеет, а тусклое счастье штука невесёлая.

Говоря так, Демиург сошёл с алтаря, огляделся в поисках подходящего места и пристроил счастье за одной из массивных колонн. Он сделал это не без умысла – место за колонной было непопулярным среди прихожан – оттуда было не видно алтаря, к которому протискивались те, кто побогаче и понаглее. За колонну же, как правило выталкивали сирых и убогих, тех кто не мог или не смел настоять на своём праве быть человеком. Если такому достанется бесхозное счастье, то добрый Демиург будет только рад!

.....
– Добренький Боженька, помоги мне!

Девочка, стоявшая на коленях перед собственной кроватью, истово молилась, глядя на маленькое изображение Демиурга, висящее на стене. Слова, слетающие с её губ, были еле слышны в тихом доме, погружённом в сон, но в ушах Демиурга они звучали словно набат, не давая ни секунды по-

коя! На такой чистый и отчаянный призыв нельзя было не откликнуться.

– Что случилось? – спросил добрый Демиург, но так, что этот вопрос вошёл не в ушки, а непосредственно в сознание ребёнка, дабы не напугать его.

– Мама заболела! – ответила девочка, решив, что это её собственные мысли. – Мне ничего не говорят, но я подслушала, хоть и знаю, что это нехорошо. Доктор сказал, что ничем не может помочь, а я знаю, что это очень плохо...

– Ложись в постель свою и спи! – приказал Демиург.

Девочка послушалась, забралась под одеяло, и уже через несколько секунд спала тем сном, который доступен только ангелам и детям.

Демиург задумался. Человечеству было отмерено горя и радости, без которых невозможно существование самих людей. Нельзя было сделать всех одинаково счастливыми, успешными и здоровыми. Вероятно, матери этой крохи предназначено на данном этапе жизни тяжёлое испытание, которое являлось неотъемлемой частью существования целого человечества.

Как это ни печально, но без таких испытаний обойтись было невозможно. Когда-то эта женщина была молода, здорова и счастлива. Любимое дитя в семье... В недавнем прошлом – очаровательная девушка, заставлявшая парней сходить с ума... Потом женщина, которую не мудрено спутать с божеством, сошедшим на землю... Почти вчера она задышалась

от восторга в объятиях мужчины, потом познала радость материнства... А теперь пришёл её черёд хлебнуть страданий. Иначе никак. Если он избавит её от постигшей беды, то придётся переложить эту беду ещё на кого-нибудь. На эту девочку, например.

Но прежде чем делать выводы, необходимо было всё проверить. Демиург взял с полки «Книгу судеб», и после недолгих поисков нашёл страницу посвящённую семье той женщины, о которой так горячо молилась её дочь. Но всего через минуту чтения брови его поползли вверх, и он захлопнул книгу. Ах, ты!..

Среди глухой ночи, когда всем честным людям положено спать, и наступает время сторожей и разбойников, красивая, свежая, полная сил женщина лет тридцати, вдруг села на кровати и уставилась в темноту круглыми от ужаса глазами!

– Что случилось? – спросил её муж, проснувшийся от этого внезапного движения.

– Н-ничего... – ответила она, дрожа всем телом.

Однако это не удовлетворило супруга, знавшего цену таким вот женским «ничего». Он откинул одеяло, зажёл светильник рядом с кроватью и внимательно посмотрел в бледное лицо жены. Сейчас она выглядела так, будто увидела привидение.

– Ты плохо себя чувствуешь? – спросил он обеспокоенно, так-как вид жены привёл его в трепет. – Может сон плохой приснился?

Она посмотрела на него, словно никак не могла понять, кто это перед ней? Наконец, её взгляд приобрёл осмысленность, в глазах ещё раз полыхнул страх, и они наполнились слезами.

– Мне... Мне надо тебе кое-что сказать! – пролепетала она, захлёбываясь, и тут же разрыдалась в подушку!

Пришлось успокаивать, укачивать, как ребёнка. Добиваться, чтобы все эти всхлипы и бульканья стали хоть немного похожи на членораздельную речь. Потом минут пять длились сбивчивые признания, а через десять минут они уже смеялись сквозь слёзы! Смеялись вполголоса, давясь и с трудом сдерживаясь, но, всё же стараясь не на шуметь, чтобы не разбудить дочь, спящую в соседней комнате.

А потом у них была ночь любви, потому что сон напрочь слетел с обоих. Нет, это была не бурная, бешеная страсть, уносившая их в страну грёз, в пору минувшей юности, когда удавалось уединиться где-нибудь тайком от родителей того и другого. И не механическая мощь обоюдно желаемого соития первых лет супружества. Но, по счастью, и не та постыдно-инвалидная связь лет последних... Сейчас в их постели царила осторожная предупредительная нежность, чуждая холодности и скучности, но также и излишествам, допустимым в обычное время.

Демиург откинулся в кресле и довольно потёр руки. Он одинаково любил всех своих детей, но эти бабы... Это же надо такое придумать! При нормальном здоровье и достатке в

семье, не посоветовавшись с мужем, попытаться избавиться от ребенка, зачатого в любви!

Хорошо ещё, что врач попался с головой и наврал ей с три короба, не польстившись на деньги. Хорошо, что старшая лапуля, семи лет от роду, смогла докричаться до его ушей сквозь гвалт немислимых, глупых и преступных воззваний человечества. Вместе они не дали свершиться святотатству.

А причина такого желания матери? Глупо до смешного – бытовые трудности! Можно было бы понять, если б это было дитя от любовника, а она не хотела бы из-за собственной слабости разрушать свою семью. Нелепый предрассудок, но человечество так с ним носится, что вымести этот сор из людского сознания, удастся нескоро. (А самое обидное, это то, что деление детей на «законных» и «незаконных» приписывают ему – Демиургу, и его именем творят в связи с этим невероятные мерзости. Но речь сейчас не о том.)

Опять же таки, если бы она вдруг стала жертвой насильника, такое решение было бы хоть как-то оправдано. Правда Демиург благословляет и таких детей. И, конечно же, даже он не сказал бы ни слова, если бы речь шла об угрозе жизни и здоровью этой дамы. Но попытаться избавиться от дитя, только потому, что неохота «по новой» не спать ночей, кормить часами, стирать пелёнки и болеть душой за это маленькое создание, которое матери и отцу дороже жизни? Лентяйка!

Теперь она будет за это наказана. Нет, не так наказана, как

это сделали бы люди, принимающие бессмысленную жестокость за строгость и справедливость. Он накажет её по-своему, как может наказать только он – Демиург!

Всё просто – он даст этому ребёнку задатки гения! Теперь она с ним узнает по чём фунт радости и счастья! Да, да, именно так! Наказать счастьем, лишив вожаделенного покоя – вот искусство Демиурга!

Правда, это отразится не только на матери согрешившей дурным намерением, но и на всей семье...

– Добренький Боженька, спасибо тебе за братика, но ты не мог бы сделать его чуть менее крикливым?

Нет, милая! Это придётся терпеть – будущему певцу нужно развивать лёгкие. Вытерпи, вынеси все трудности и неприятности, связанные с младенчеством брата. Помоги матери вынянчить его, не оттолкни потом, стань ему лучшим другом, дели с ним его песочницу, шумные мальчишеские игры, учёбу и взросление. Пойми обиды и промахи, победы, достижения и первую любовь. И тогда ты увидишь, какое сокровище достанется вам обоим! Ты будешь опорой ему, а он тебе. Ваши жизни будут неразделимы, ваши дети не станут чужими, ваши семьи останутся дружны на долгие годы. В этом тебе моё благословение, бесценное дитя, докричавшееся до своего Демиурга!

.....
– Боже, услышь нас! Боже спаси от злого тирана, угнетателя и губителя жизней наших!

Что за?.. Блин, только отвернёшься, чтобы хоть немного отдохнуть, как эта малышня там внизу, либо революцию себе устроит, либо войну, да не простую, а Мировую с бессмысленными жертвами и жуткими последствиями, которые будут отзываться потом в течение веков. Теперь-то у них что там?

Взглянул вниз и обомлел!

Это вам будет почище Мировой войны. Только вы сами себе это наделали. Правда подача была его, Демиурга, хоть тогда имелась в виду другая идея.

Эх, нельзя было так беспечно бросаться бесхозным счастьем!

Всё вышло именно так, как он хотел – счастье, так и не доставшееся торопыге, обретшему истинную любовь, нашёл нищий мальчишка, которого гоняли и затирали даже старшие собратья по ремеслу. Нет, он не обрёл удачу. Счастье и удача это не одно и то же. Он вовсе не вырвался из нищеты, его дела не пошли в гору и он не стал ни царем, ни богачом. Но он был счастлив!

Просто счастлив... ничем. Так, что окружающие не могли на него надивиться. Он был счастлив в летний зной, когда немилосердное солнце выбеливало его волосы и вызолачивало кожу красивым загаром. Он был счастлив в зимнюю стужу, вдыхая неповторимую свежесть ледяного ветра. Он радовался мягкой траве и острым камням под босыми ногами. Он восхищался лёгкости своих лохмотьев и сердеч-

но благодарил людей за яблочный огрызок и почерневший грош, брошенный ему с ногтя!

Ему безумно нравилась тяжёлая работа, от которой стонали те, кто был втрое сильнее его и выносливее. Он с лёгкостью оставался без гроша в кармане и крыши над головой, потому что ценил свободу больше набитого желудка.

Он грелся у разбойничьих костров и отдыхал в тюрьме. Он стал силён, как зверь, но презирал насилие! Он покорял девушек одним лишь взглядом и улыбкой... Он даже умер счастливым, получив удар вилами в бок, через минуту после того, как расстался с очередной возлюбленной на заднем дворе фермы её отца.

На этом для него счастье закончилось, но оно не умерло вместе с ним, а, пройдя через людскую злобу, зависть и невежество, переродилось в свою противоположность – горе, и передалось той, кого в последний раз любил этот случайный счастливчик.

Стоит ли подробно описывать её жизнь? Тычки и плевки со стороны отца и братьев. Холодное осуждение матери и злорадное презрение сестёр. Мерзкие ухмылки соседок. Гнусные поползновения со стороны мужского населения, дружно решившего, что терять ей всё равно нечего. Грязные слова местного попа, заклеившего её перед тупоголовой паствой, как существо противное Богу!

Но это всё были цветочки. Ягодки начались, когда она поняла, что беременна.

Физические страдания ничто по сравнению с тем, что испытывает человек, душу которого опускают в грязь. Это были самые страшные девять месяцев её жизни. Наказание за любовь, за то, что она родилась человеком способным остро чувствовать жизнь. Люди с вывернутым наизнанку сознанием, вместо того чтобы носить на руках ту, которая собирается дать продолжение их роду, как это подобает всем существам наделённым тёплой кровью, превратили её последние дни в ад! Смерть, которая наступила в момент, когда она дала жизнь своему ребёнку, была воспринята ею, как избавление...

Следует отдать должное вертикальным свиньям – они не бросают даже лишних и никому не нужных поросят. Сирота остался в семье. Ему было позволено жить, и есть с общего стола на правах самого презираемого и самого обижаемого из детей.

С пелёнок он знал, что является «плодом греха», никчёмным, жалким, отвратительным и бесправным. С этим он рос, унаследовав, как на грех, превосходное здоровье своих родителей и... их горе.

Преступление не бывает безнаказанным. Души безвестного бродяги, чей труп был зарыт под навозной кучей, и любимой когда-то дочери своих родителей, от которой они в одночасье отвернулись, уличив её в способности любить, зывали к отмщению. Кто мог предположить, что оно осуществится таким способом?

Моровое поветрие, выкосившее край, не пощадило семейство фермеров сведших когда-то в могилу собственную дочь. За несколько дней оно уничтожило стариков, здоровых крепких мужчин, полнокровных женщин, подростков, детей, младенцев...

Оно же вдруг сделало единственного выжившего – тощего, заморенного юношу, малорослого от постоянного недоедания и унижения, наследником крупного хозяйства, богатого обширными земельными угодьями, внушительными стадами разнообразного скота, хозяйственными постройками, несколькими дворами опустевшего жилья, а также различным инвентарём надлежащего количества и качества. Имелся и солидный страховой вклад в надёжном банке, который оказался, как раз кстати.

Наследник, неожиданно вознёсшийся с самого низа до вершин, о которых и не мечтал, ухитрился не растеряться, а взялся за дело, с умом и талантом. Он нанял батраков, продал излишек, оставленный ему, любезно почившими родственниками, снял со счёта в банке часть денег и женился.

Те, кто знал его историю, только диву давались! За короткое время этот бастард, ставший главой семьи, удвоил имеющееся у него состояние, а потом проделал это ещё несколько раз, превратившись из фермера в богатого сельского промышленника. Теперь его ставили в пример, его уважали, ему завидовали и его боялись.

Боялись за крутой нрав, беспринципность, жестокость до

безжалостности и за то горе, которое он распространял вокруг себя. Работать у него люди не любили, но шли на это, польстившись на плату, которую он отдавал честно и щедро, но только тем, кто трудился, как одержимый в его хозяйстве.

Малейшая провинность грозила работникам потерей места. Некачественная работа, даже если погрешность была незначительной, вместо платы заканчивалась штрафом. Поэтому, работники в его хозяйстве постоянно менялись, а продукция ими выработанная, хоть и была безупречного качества, но производила странное впечатление, словно её делали без души. И немудрено – ведь люди не машины, а машины, которых становилось всё больше, не люди.

Ещё более худшая беда творилась в семье новоявленного миллионера. Несмотря на достаток и даже изобилие, несмотря на нормальное здоровье родителей, дети рождались тощими, мелкими, рахитичными, и по большей части, умерли ещё во младенчестве. Некоторым, впрочем, удалось выжить и дорасти до взрослого состояния.

Это были желчные, злобные, неуживчивые люди, которым, впрочем, нельзя было отказать в уме. Они словно адаптировались в атмосфере сплошного беспросветного горя и воспринимали его, как свою естественную среду. Так прошло несколько поколений...

Демиург тяжело опустился в кресло и схватился за голову. То, что творилось внизу, не всякому Дестроеру приснится, не то, что Демиургу!

А творилось вот что – по улицам и площадям огромного города лихо маршировали стройные колонны военных, вскинувших руки в странном приветствии. Толпы народа повторяли тот же жест и размахивали флажками, плотно стоя на тротуарах за цепью мордатых блюстителей порядка в чёрной форме. Люди выкрикивали приветствия похожие на воронье карканье, и, казалось, были счастливы.

Повсюду развевались флаги яркой расцветки со странными знаками, в которых Демиург с удивлением узнал искалеченный древний символ. И повсюду были портреты. Они украшали стены домов, порой полностью загораживая фасады. Их несли толпы народа, шедшие за военными. Они были закреплены на медленно ползущих грузовиках и танках, скрежещущих гусеницами по не предназначенным для такого транспорта мостовым.

Какой он был на этих портретах, этот отдалённый потомок мальчика-бродяжки, нашедшего за колонной храма чужое, бесхозное счастье! Демиург ясно видел его самого – мелкого, невзрачного, начисто лишённого совести, но наделённого острым злобным умом. Здесь же он выглядел героем, великаном, обладающим статью, сложением и красотой достойной повелителя!

Его глаза, неприятно жёсткие и колючие в жизни, глядели с портретов с мудрым прищуром. Губы, обычно плотно сжатые или растянутые в резиновой улыбке, сейчас улыбались приветливо и добродушно. Даже усы, комично торчавшие на

постном лице, располагали к себе и смотрелись симпатично. Да, Демиург видел этого типа насквозь! От предков он унаследовал недюжинные организаторские способности, но был совершенно холоден к тем, кого называл «своим народом». Он выделял с этим народом, что хотел – выжимал соки, убирал «лишних», невыгодных представителей, прежде всего тех, кто мог поднять над толпой слишком умную или слишком непокорную голову. Остальных он произвольно переселял, перекраивал, переделывал на свой лад, заставлял работать так, как считал нужным, выдавая вместо достойной платы за труд «прожиточный минимум», а то и вовсе нищенскую копейку, словно издевался над теми, кто не в силах противостоять его извращённой воле.

При этом он всеми способами расточал похвалы «своему народу» и выслушивал хвалебные дифирамбы в ответ. Любовь к славословиям в свой адрес, была его слабым местом. Даже до смешного доходило, когда какой-нибудь разошедшийся холуй начинал выкамаривать перед «лучшим из людей» и «Светочем Вселенной», а окружающие овцы и бараны поддерживали его дружным блеянием.

Однако и здесь был своего рода расчёт – всю эту хвалебную бурду слышал не только тот, кому она была адресована. На людей недалёких, коих было большинство, это действовало безотказно. Перед ними был Вождь, Кумир, Отец, Кормилец и Благодетель, за которого они готовы были отдать собственных детей. Ну, или, по крайней мере, поставить их

под ружьё.

А вот что было сильной стороной этого «кумира», так это обещания. Он – «спаситель отечества и человечества», чего только не обещал в своих длинных речах, ярко живописующих, то тёмное прошлое, бывшее до его прихода к власти, то светлое будущее, которое непременно настанет в результате упорного труда под его мудрым руководством.

Ну, а кто же против таких соблазнительных вещей, как экономическое процветание, правовое государство, счастье в каждом доме, абсолютное изобилие, победоносное шествие армии, состоящей из лучших сынов народа, физическая и духовная свобода каждого и всё в таком же духе! И люди видели все эти воздушные замки, и не только видели, а прямо-таки чувствовали себя их обитателями!

А увидев это счастье, до которого всего-то один шаг, они не замечали творящегося вокруг произвола, оправдывали любые преступления и отдавали лучших из лучших представителей своего народа, чтобы победоносным полководцам кумира было кого зарыть в снега и утопить в болотах чужой страны, буде случится нести мир и добро на штыках. О, люди...

.....
О, люди! Демиург вздрогнул, как от электрического шока. Люди были его детьми, и он любил их такими, каковы они есть, даже невежественными, безмозглыми и жестокими. Даже подлыми и лживыми...

И этого чудилу он тоже любил. Проще простого было бы испепелить его и тем избавить человечество от множества бед, а его самого от позора и проклятия на многие века. Но он не мог этого сделать, ведь это значило спасти одно своё дитя за счёт другого, чего никогда не сделает ни один отец, если только он не безумен!

Что же делать? Дать особую силу, волю, и полномочия тем, кто его призвал? В крайнем случае, можно пойти и на такой шаг, но ведь это спровоцирует братоубийство, что ещё хуже, чем поклонение псевдокумиру, восседающему в кресле правителя. А, кроме того, эти действительно лучшие из лучших, (иные до Демиурга докричатся, не способны), тоже люди со своими слабостями. Получив из его рук великую мощь, они начнут насаждать царство добра и справедливости всё тем же способом, который единственно знаком человечеству – кнутом, топором и решёткой.

Это кажется людям логичным, но почему-то никто не хочет припомнить, давал ли этот способ положительные результаты, хоть раз в истории человечества? А ведь применяли его часто. Практически постоянно.

Нет, видимо придётся исправлять всё самому. Нет, не карающей рукой и не повелительным гласом. Он сделает то, что уже делал когда-то – даст людям... советы.

Они, люди, ждут от него законов, жёстких и беспощадных, отступление от которых жестоко карается. (Опять эта проклятая жестокость! Как надоело...) Нет, он даст им советы,

которые они будут вольны слушать или нет.

На что он надеется, поступая так мягко, и не ожидая немедленных положительных результатов? На любовь, конечно же! На сыновнюю и дочернюю любовь к себе, к Отцу, на ту любовь, зёрна которой он заложил в души всех своих детей. Даже в души тех, кто подл и тех, кто отчаялся. Даже в тех, кто глуп.

Именно это чувство, заставляющее детей протягивать ручки родителям, а родителей прижимать к себе несмышлёную капризную драгоценность, его последняя и единственная надежда!

И тогда усталый добрый Демиург встал со своего кресла и начал произносить свои советы. Вот некоторые из них:

Дети! Вы рождены свободными и должны жить свободными, так не признавайте оков и не создавайте их.

Дети! Вы все есть моё порождение и не один из вас не выше другого в глазах моих. Так не возвышайте же друг друга и не преклоняйтесь друг перед другом, а будьте друг другу истинными братьями и сёстрами, полными любви, но не ненависти.

Дети! Цените жизнь, как высшее благо, данное вам мною, ибо нет в мире вашем ничего такого, кроме вас самих, за что можно было бы отдать или отнять этот дар.

Дети! Не создавайте себе лживой морали, которую навязывают вам безумцы. Я создал вас разделёнными на две половины и благословил, сказав – «Плодитесь и размножай-

тесь!» Это всё, что вам требуется, чтобы исполнять мою волю, а тот, кто диктует брату своему и сестре своей, как, сколько и когда им следует это исполнять, присваивает себе не принадлежащее ему право.

Дети! Будьте милосердны друг к другу и не считайте друг за другом пороки и добродетели, ибо не дано вам знать, что есть истинный порок и истинная добродетель. Почитайте их все свойствами и не осуждайте, а принимайте друг друга такими, какие вы есть.

Дети! Похороните вы ревность свою и кровожадность свою, ибо вы не дикие звери, а подобие моё и возлюбленные чада мои.

Дети! Среди вас нет незаконных и протivoестественных, ибо тот, кто рождён, уже благословлён мною.

Дети! Не выбирайте из двух зол меньшее, ведь выбрав маленькое зло, вы начинаете кормить его и делаете это до тех пор, пока оно не вырастит в зло большее и страшнейшее, чем то, которое ужасало вас до этого. Если будет вам предложен выбор из нескольких зол, то лучше совсем откажитесь от выбора.

Дети! Сопротивляйтесь насилию. Лучше слабыми вашими зубами попытаться прокусить шкуру дракона, чем быть без борьбы втоптаннми им в грязь. Не давайте себя ограбить и унижить, ибо никто кроме меня не властен над вами.

Дети! Почитайте мудрость и учение. Ваш разум есть исксияния моего, и в том кто мудр она сияет ярче, чем в

прочих, ибо на таких моё благословение распространяется особо. Избирайте вождями своими мудрых, а не сильных, потому как любую силу сломит толпа слабейших, но мудреца никогда не умнее толпа невежд.

Дети! Забудьте об обрядах посвящённых мне или тешьте себя ими и далее, но помните – я услышу не тех, кто повторяет слова заученные по книгам, а лишь тех, кто искренен, обращаясь ко мне.

Дети! Не бейте и не мучайте друг друга во имя моё, ибо делая так, вы все неправы, а я всё равно вас всех принимаю.

Дети! Не совершайте зла друг против друга, а если чувствуете себя неспособными от зла удержаться, то помните – любой грех можно искупить искренним покаянием и добрыми делами, исполняемыми не во спасение своё, а от сердца. Но совсем откажитесь от греха иудина, ибо предательство, доносительство, измена доверяющему вам, мне особенно ненавистны. Таким не даю я прощения своего, хоть и продолжаю любить их, скорбя об их душах.

Дети! Не обижайте слабейших. Доблесть сильных в помощи слабым, а не в утверждении превосходства над ними.

Дети! Берегите мир, данный мною вам для проживания. Я создал его прекрасным и изобильным, но вы обратили лучшие части его в пустыни. Сберегите же то, что осталось и не дайте стать пустыней творению созданному, как сад для житья и кормления вашего.

Дети! Почитайте меня, как Отца вашего, но не как пове-

лителя свирепого и карающего. Лишь только каждый из вас будет способен сказать мне – «Отец!», я тотчас вернусь к вам и скажу: «Вот дети мои, я вижу их и знаю их, а они меня знают!»

.....
19.03.2018